

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ ЕДИНСТВА РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент российской академии
естествознания, Алтайский государственный
педагогический университет (г. Барнаул)
sverhtitan@rambler.ru

CULTURAL MEMORY AS A FACTOR IN PRESERVING THE UNITY OF RUSSIAN STATEHOOD: A RETROSPECTIVE ANALYSIS

V. Skopa

Summary: Changes caused by social transformations and globalization processes are changing before our eyes the content and forms of transmission of cultural memory, actualizing the problem of preserving the cultural heritage of all peoples and ethnic groups as their most important contribution to the overall development of humanity. The problem of preserving cultural memory and cultural heritage is emerging more and more clearly in the public consciousness. The formation of cultural memory and the identification of cultural heritage in it in Russia has its own characteristics associated with its civilizational characteristics. Based on the identified material, the features of the cultural space of Russia, which forms cultural memory as a factor in preserving the unity of Russian statehood, are considered.

Keywords: cultural memory, identity, person, society, culture.

Аннотация: Перемены, обусловленные социальными трансформациями и процессами глобализации, изменяют на наших глазах содержание и формы передачи культурной памяти, актуализируя проблему сохранения культурного наследия всех народов и этносов как их важнейшего вклада в общее развитие человечества. Проблема сохранения культурной памяти и культурного наследия все более отчетливо вырисовывается в общественном сознании. Формирование культурной памяти и выделение в ней культурного наследия в России имеет свои особенности, связанные с ее цивилизационными характеристиками. На основе выявленного материала рассмотрены особенности культурного пространства России, формирующего культурную память как фактор сохранения единства русской государственности.

Ключевые слова: культурная память, идентичность, человек, социум, культура.

Наблюдаемая в последние десятилетия деконструкция национальных историй во многих странах, среди которых и Россия, приводит к замене противостоящих образов прошлого диалогом между ними.

В истории России событий, которые ныне подвергаются пересмотру, в том числе и этно-элитами, с каждым годом становится все больше. Самоидентификация народов, проживающих на территории РФ, через историю после катастрофических событий прошлого XX века, становится все более проблематичной, оказываясь в центре далеких от академизма споров. Вместе с тем, несмотря на происходившие в XX веке катастрофические разрывы в развитии нашей страны, целостность России во многом определяется общностью культурно-исторической памяти, сохраняющей ее образ [2].

Особая значимость культурной памяти для воссоздания целостного духовного универсума, который каждый россиянин будет воспринимать как свою Родину, должна стать приоритетной задачей для страны наряду с другими национальными проектами, проводимыми на государственном уровне. Необходимость программы

поддержки русского языка стала одним из приоритетных направлений государства, что вызвано, среди прочего, и тем, что число изучающих русский язык в мире сокращается.

На сегодняшний день современная Россия реализует стратегию формирования национально-культурной идентичности, зафиксированную в целях культурной политики: укрепление единого социокультурного пространства и расширение возможностей интеграции в него граждан России любой этнической принадлежности; поддержки культурного разнообразия и расширения культурных потребностей; сохранения культурного наследия; создание условий для творческой самореализации [8].

Истончение «культурного слоя» культуры, вызванное невиданными по масштабам социальными экспериментами ушедшего века, продолжено в перестроечные и постперестроечные годы коммерциализацией культуры, что вызывает ряд негативных последствий.

В эпохи резких культурных изменений, которые пере-

жила Россия, остро стоит вопрос о том, что и как следует сохранить. В моменты «переходов» образы прошлого несут двойную нагрузку. В их наборе, соотношении, наполнении, взаимодействии отражаются те трансформации, которые происходят в обществе [9]. В то же время, они нагнетают или тормозят изменения, т.е. задают вектор и сценарий трансформаций. При этом соответствующие образы прошлого обеспечивают разные варианты трансформаций: они указывают на определенный набор социальных моделей, адресующихся к различным вариантам ценностных ориентаций, в рамках которого осуществляется общественный выбор. Избавляясь от одних образов прошлого, общество указывает на то, каким оно не хочет или неспособно быть [12].

Хобсбаум Э. отмечает, что современные элиты и интеллектуалы сознательно отбирают и перерабатывают традиции таким образом, что появляющаяся сегодня под старой вывеской модель, весьма отличается от своего первоначального образца [13]. В то же самое время, отбор и переработка происходят в рамках, которые определяются культурой данного народа: его языком, законом, символами, воспоминаниями, мифами, традициями.

Формирование культурной памяти и выделение в ней культурного наследия в России имеет свои особенности, связанные с ее цивилизационными характеристиками. В идущих в последние десятилетия дискуссиях о цивилизационном статусе России обнаруживается разброс авторских позиций: Россию определяют, как «субцивилизацию»; отмечают, что Россия представляет собой «цивилизацию поневоле», постоянно балансирующую на грани цивилизации и варварства; отрицают наличие цивилизационного ядра России, определяя ее как «конгломерат цивилизаций»; обосновывают «недоцивилизованность» России [3, 4, 14].

Неклассические цивилизации разными авторами именуются пограничными, периферийными. Так, по мнению Яковенко, для «неклассических объектов» или пограничных образований характерны:

- низкий уровень структурированности как идеального, так и феноменологического поля культуры;
- циклические «разрывы» процесса формирования, регулируемые механизмом инверсии развития;
- синкретическая доминанта, неспособность к саморазвитию, сосуществование в структуре культуры феноменов, принадлежащих различной исторической хронологии – от архаики до современности, постоянная активизация архаических феноменов;
- акцент на субъективном, растворение субъекта в культурном синкретизме, экстенсивный характер, неспособность к динамическому развитию, очень

болезненная модернизация [15].

Пограничные цивилизации определяются как такие общности, которые возникают на периферии стабильных, крупных цивилизаций, в зонах, где те переходят свои границы, вступая во взаимодействие с иными цивилизациями и культурами.

Понимание России как, в первую очередь, европейской страны и державы, было заложено еще в XVII-XVIII веках, но при этом Россия воспринималась и воспринимается в значительной мере как пограничная, фронтальная страна Европы. В данном аспекте интересно суждение Шемякина Я. Г., который определяет Россию как «пограничную» цивилизацию планетарного масштаба по следующим характеристикам:

- противостояние Логоса как формо- и смыслообразующего принципа социальному и природному бытию, как стихии алогона, определяемого Разумом – Божественным или человеческим;
- постоянное балансирование на грани варварства, социальная и культурная действительность этой цивилизации в силу особой роли хаоса являет собой «воплощенное беспокойство границы» цивилизации и варварства;
- особая роль природы задает специфику построения пространственно-временной структуры, проявляющуюся в преобладании пространства над временем в контексте пространственно-временного континуума культуры;
- имеет место тенденция к постоянному переходу через грань меры, стремление превратить процесс подобного перехода в способ бытия человека и общества [14].

Кроме всего прочего с тем, что Россия относится к типу пограничных цивилизаций, общим принципом, определяющим специфику структуры «пограничного» цивилизационного типа, а именно принципом преобладания начала многообразия над началом единства для русской культуры как культуры «пограничной» характерны:

- внутренние напряжения и противоречия как постоянный конститутивный фактор, определяющий природу культуuroобразующих механизмов и их функционирование;
- циклические «разрывы» процесса формирования, «прерывность» развития;
- сосуществование в структуре культуры феноменов, принадлежащих к различной исторической хронологии – от архаики до современности при постоянной активизации архаических феноменов;
- экстенсивный характер, неспособность к динамическому развитию, болезненность любой модер-

низации [3].

Бердяев Н.А. в своей книге «Русская идея» отмечает, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории – Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она объединяет два мира. И всегда в русской душе боролись два начала, восточное и западное. Два противоположных начала легли в основу формации русской души: природная, языческая дионисийская стихия и аскетически-монашеское православие. Можно открыть противоположные свойства в русском народе: деспотизм, гипертрофия государства и анархизм, вольность; жестокость, склонность к насилию и доброта, человечность, мягкость; обрядовое и искание правды; индивидуализм, обостренное сознание личности и безличный коллективизм; национализм, самохвальство и универсализм, всечеловечность; искание Бога и воинствующее безбожие; смирение и наглость; рабство и бунт» [1].

Цивилизационное пространство России, в рамках которого шел процесс ее культурного развития, отлично от культурного пространства Западной Европы. Большинство государств Западной Европы развивалось на уже освоенной культурной территории, где находились центры Римской цивилизации, культурное наследие которой – римское право и архитектура, система образования были усвоены и переработаны народами Европы [6, 10].

Россия же расположена на территории, которая была рубежной для античной цивилизации, что объясняет меньший удельный вес античного культурного наследия. Фактически Россия представляет собой мир миров, в который в разное время входили различные этносы, сохраняющие свою культурную и историческую память. При этом процесс этого культурного втягивания был крайне неравномерным не только по отношению к различным этносам, но и внутри каждого из них [6].

Духовное единство России обеспечивалось в допетровский период для всех народов, этнических групп, племенных объединений единой христианской верой. Только с принятием христианства формируется общность культурной памяти, которая формирует ключевой геополитический образ Руси-России [11].

На антропологическом уровне позитивная идентичность складывается с помощью интроспективного взгляда людей «внутри» себя, с целью обретения точки опоры, под именем Царство Божие. Но будучи культурным образцом, культура Византии не породила своего культурного двойника. Живов В.М. обратил внимание на

гетерогенность византийской культуры, включающей, по крайней мере, две культурные традиции – «аскетическую» и «гуманистическую», противостояние которых определило динамику византийской культуры. Для аскетической традиции была характерна ориентация на аскетический и экклезиологический опыт при определенном равнодушии к античному интеллектуальному наследию и имперской идее, для гуманистической – страсти к античному наследию, попытки синтезировать христианский опыт и ученую традицию, универсалистское имперское сознание [7].

Из двух противоборствующих традиций на Русь была перенесена традиция аскетическая, для которой было характерно определенное равнодушие к античному наследию и имперской идее. Определяющим для типа культуры, формирующегося в Киеве, был характер образования. Но и он был отличен от византийского, где сохранялось светское образование, бывшее общим достоянием двух выше указанных традиций. На Руси образование носило исключительно катехизический характер, классические авторы для славянского книжника представляли неведомыми идолами чужой культуры, а античное наследие не признавалось. При этом культурное наследие Византии постоянно переосмысливается в рубежные для российской культуры эпохи [6].

Важной особенностью культурной памяти стало то, что христианская традиция вступила в сложное взаимодействие с языческой мифопоэтической традицией, которая долго сохранялась и передавалась в устных формах народной культуры, проникая и в жанры церковной литературы. При этом процесс взаимодействия двух традиций в России имел свои отличия от европейских стран, в которых литературная обработка языческого эпоса была завершена к XIII веку. В культуре Древней Руси космогонический и героический эпос не был записан, не вступил во взаимодействие с книжной традицией. Таким образом, отличным от западноевропейской культурной традиции было и усвоение собственной древности.

В развитии культуры Руси сыграла позитивную роль межъязыковая межславянская языковая общность. В Европе языком культуры, образования и науки на протяжении всего средневековья была латынь, однако языковой разрыв здесь начал рано преодолевать: с XII века стала появляться литература на национальных языках [16]. В Русской культуре процесс был обратным. С течением времени расхождение между устной речью и нормами церковнославянского языка усилилось настолько, что привело к наличию внутри русской культуры двух языковых миров – старославянской церковной книжности и древнерусской словесности. Возможность перевода богослужебных текстов на разговорный язык возникла только в XVII веке, а создание литературного языка на

основе разговорной речи завершено было в русской культуре только в XIX веке. Поэтому свободное словоизъявление на русской почве ассоциировалось с произволом, стихийным отрицанием сковывающих границ, официальных канонов и догм [7].

Таким образом, отличительная черта культурной памяти православных россиян состояла в том, что объектом почитания стала «Святая Русь». «Святая Русь» в культурной памяти народа воспроизводит не постоянно меняющуюся территорию с блуждающим политическим центром, а синтетический сакральный образ, обеспечивающая духовное единение всех русских людей [16]. Память народа неразрывно связана с образом родного пространства, которое не мыслится только как территория, но подобен ландшафту народной души.

Наиболее значимые в образно-символическом смысле природные или культурные ареалы какой-либо страны могут иногда выступать и в качестве образа всей страны, акцентируя внимание на самых ярких и существенных чертах ее образа. Так, в русской поэзии Урал часто рассматривался как символ мощи Российской державы, а Сибирь – как символ не освоенности и дикости России.

В русской языковой традиции оказался наиболее детально прорисован «портрет» Москвы, представленный атрибутами материальной культуры. В то же время Москва противопоставляется Петербургу как оплот «азиатчины», «домостроя» и старины в литературной полемике, журнальной публицистике, драматургии. Отношение к Москве и Петербургу – это отношение к разным пластам культурной традиции. Уже в XVIII веке историк, утопист князь М. М. Щербатов пишет обращенное к Екатерине Великой «Прощение Москвы о забвения ея», в котором от лица Москвы, обращаясь к государыне, напоминает ей, что «священные здания, сооружения и знак набожия твоих предков, суть купно свидетели их добродетелей и напоминатели, идеже императорским венцом венчалась, идеже помазалась священным елеем и сан монарший священным обрядом важнее учинила, к вещему привлечению верности и любви народной» [7]. Гоголь Н.В. в «Петербургских записках 1836 года» пишет о том, что «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия» [5]. Разумовский Ф. полагает, что чувства и идеи, задавшие ментальные границы идеального пространства менялись вместе с культурой. Судьба русского пейзажа столь же трагична, как и судьба создавшего его народа. Отечественная культура не сумела удержать пространство человека в пределах, необходимых для освоения и оформления огромного пространства земли. Стихийная широта взяла верх над углубленной духовностью [17].

XVII век является рубежной эпохой развития русской культуры в силу того, что события Смутного времени заставили пересмотреть православное духовное наследие. В это же время возникает оппозиция светской и духовной культуры. Переходный характер от средних веков к Новому времени выражен в этот период проявлением в агиографии элементов биографии, появлением парсуны, в стремлении изографов Московской школы, в частности Симона Ушакова соединять канон с введением элементов ренессансной художественной системы.

Переход русской культуры от средневековья к Новому времени А. М. Панченко охарактеризовал как переход от веры к культуре. Культура, с точки зрения средневековья – это сумма вечных идей, некий феномен, имеющий вневременной и вселенский смысл. Культурная память, обращенная к вечности божественно устроенного мира, в котором строго определено место человека, теснится исторической памятью, в которой событие, по образному выражению Панченко, становится лишь «аппликацией на бесконечном потоке времен» [11]. «Реформы Петра I, которые имели революционный, искусственный характер привели к тому, что Европа становится для России не метонимией, а метафорой: вместо того, чтобы стать органической частью «Великой Европы», Россия становится «Новой Европой», - пишет Б. Успенский [18]. Но сознательная ориентация предполагает противостояние между Россией и Европой: сама ориентация на Европу предполагает, что Россия изначально Европой не является. Именно эта идея заложена в основе петровских реформ. Так, в России появляются две культуры: традиционная, которая объявляется обветшавшей и невежественной и новая, провозглашаемая просвещенной и прогрессивной. Каждая из них воспринимает другую как шутовскую, карнавальную.

В процессе петровских реформ подверглось пересмотру культурное наследие. Культурный шок петровских преобразований рубцом врезался в память народа. При этом исторический опыт растворялся в повседневно бессобытийной жизни. Жизнь российской провинции потекла в другом историческом времени, чем уплотнившееся время эпохи петровских преобразований в Петербурге.

Таким образом, если подвести итог, то можно заметить, что культурная память играет важнейшую роль как фактор сохранения единства русской государственности. Неразрывная связь прошлого, настоящего и будущего в историческом сознании имеет последствия не только для образа того что было, но и для самоопределения и практической деятельности сегодня по созданию национального и глобального дальнейшего развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.А. Русская идея. // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М.: Наука, 1990.
2. Бойков В.Э. Состояние и проблемы формирования исторической памяти // Социс - социологические исследования. 2017. № 8.
3. Веденин Ю.А. Необходимость нового подхода к культурному и природному наследию. Сборник материалов. М., 2002.
4. Вельцер Х. История, память и современность прошлого: Память как арена политической борьбы // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. М., 2002. № 2, 3.
5. Гоголь Н.В. Петербургские заметки 1836 года / Москва-Петербург: pro et contra. Диалог культур в истории национального самосознания. СПб., 2000.
6. Живов В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси. М., 2006.
7. Живов В.М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII в. М., 2006.
8. Историческая память населения России. Материалы «круглого стола» в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации 20 ноября 2001 г. // Отечественная история. 2002. № 3.
9. Историческое сознание: состояние и тенденции развития в условиях перестройки (результаты социологического исследования): информационный бюллетень Центра социологических исследований АОН. М., 2010.
10. Новиков. Д.В. Христианское учение о человеке // Человек. 2000. № 6.
11. Панченко А.М. Русская культура в канун петровских реформ / Из истории русской культуры. Т. III (XVII- начало XVIII века). М., 2000.
12. Столович Л.Н. История философии. Цена и ценность подделки // Вопросы философии. 2004. №11.
13. Хобсбаум Э. Век империй. 1875-1914. М., 1996.
14. Шемякин Я.Г. Отличительные черты «пограничных» цивилизаций // Общественные науки и современность. 2000. № 3.
15. Яковенко И.Г. Проблема научного метода в цивилизационных исследованиях // Цивилизационные исследования. М., 1996.
16. Топоров В.Н. Святость и святыне в русской духовной культуре. М., 1995.
17. Разумовский Ф.В. Державная воля и русская доля. М., 2019.
18. Успенский Б.А. Этюды о русской истории. СПб., 2002.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»